МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Д.М. Логинов
к.э.н., старший научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)

РОССИЯНЕ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ: УРОВЕНЬ ДОВЕРИЯ И ПОТЕНЦИАЛ ПОДДЕРЖКИ[1]

Аннотация. На данных репрезентативного социологического опроса, реализованного ИНСАП РАНХиГС в 2023 г., рассмотрены особенности системы социальных взаимодействий. Такой анализ представляется актуальным в контексте задач поддержания и улучшения уровня благополучия россиян с точки зрения как их эмоционального комфорта, так и возможностей получения гражданами необходимой помощи и поддержки. Результаты исследования свидетельствуют о том, что подавляющее большинство населения не находится в ситуации социального одиночества, однако значительным кругом доверительных коммуникаций располагают менее половины опрошенных. Отмечается достаточно высокое декларируемое социальное доверие в отношении представителей «ближнего круга», при этом доверие государственным институтам, а также официальным средствам массовой информации, существенно ниже. Рассчитанный по результатам опроса интегральный показатель субъектной широты межличностного и институционального доверия для половины населения не превышает среднего уровня, а для порядка 20% является высоким. Доля актуальных получателей регулярных межличностных финансовых трансфертов составляет 19% россиян, и чаще прочих это представители молодёжной и старшей когорт. Ресурсные возможности населения, заключающиеся в перспективах использования системы социальных взаимодействий для преодоления возникающих трудностей, представляются значимыми, при этом явно выражены проблемы дефицита действенных институциональных каналов и наличия депривированных групп населения.

Ключевые слова: *социальные взаимодействия, социальные практики, социальное поведение, социальная сплочённость, социальный капитал, доверие, человеческий потенциал.*
JEL: I31, Z13, D85
УДК: 316.47
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_4_159_173
© Д.М. Логинов, 2026
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Логинов Д.М.* Россияне в системе социальных взаимодействий: уровень доверия и потенциал поддержки // Вопросы теоретической экономики. 2026. №4. С. 159–173. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_4_159_173.
FOR CITATION: *Loginov D.* Russian in the System of Social Interactions: Level of Trust and Support Capacity // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 4. Pp. 159–173. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_4_159_173.

[1] Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

Введение

Завершение активной фазы коронавирусной эпидемии совпало с новым этапом нестабильности, вызванным изменениями социально-экономического контекста начиная с весны 2022 г. Таким образом, институциональная среда оказалась подвержена существенной и разнообразной динамике, что, безусловно, определило значимые условия реализации жизненных практик различных групп населения. В этих условиях особую актуальность приобретает рассмотрение системы социальных взаимодействий, в которую включены различные группы населения. Такой подход представляется важным как с точки зрения субъективного благополучия и эмоционального комфорта населения, так и в контексте возможностей получения россиянами помощи и поддержки от социального окружения в случае возникновения подобной необходимости. В общем контексте исследования важно постараться ответить и на такие вопросы, как: насколько существенна проблема социального одиночества, при котором у людей отсутствуют либо ограничены возможности близкого доверительного общения; каковы уровень, а также дифференциация показателей межличностного и институционального доверия в российском обществе; сколь масштабна динамика социального доверия в текущих трансформационных условиях и каков вектор этой динамики; насколько весом потенциал ресурсной поддержки населения со стороны субъектов социальной среды. На эти вопросы мы постарались ответить в ходе проведения социологического исследования, реализованного по специально разработанной методологии в 2023 г.

Эмпирическую базу исследования составляют данные массового анкетного опроса, репрезентирующего население России в возрасте от 18 лет и старше, проведённого Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС посредством случайной стратифицированной систематической выборки мобильных телефонных номеров. Реализованное на основе данных Росстата квотирование территориальных страт (Столицы, Центр, Урал, Сибирь, Восток) позволило территориально распределить выборку в соответствии с показателями генеральной совокупности. Показатели полученной выборки по основным демографическим характеристикам соответствуют актуальным данным Росстата. Общий объём выборочной совокупности составил 2016 респондентов.

Концептуально-теоретические подходы к исследованию социальных взаимодействий

Изучение проблематики социальных взаимодействий опирается на длительную исследовательскую традицию. Линейка классических работ в этой сфере достаточно широка: от знаменитых работ Э. Дюркгейма [*Дюркгейм,* 1994] и Т. Парсонса [*Парсонс,* 2002] до П. Бурдьё, рассматривающего теории капитала и проблемы социальной дифференциации [*Бурдье*, 2004]. В социологической литературе проблематика социальных взаимодействий представлена различными концептуальными подходами: «бихевиористическая теория» [*Homans*, 1950], «теория обмена» [*Blau*, 1964], «символический интеракционизм» [*Кули*, 2019; *Мид*, 2009] и др.

Сети взаимоотношений можно описывать и анализировать по различным характеристикам, включая параметры количества и качества социальных взаимодействий, которые при этом являются предпосылкой обмена ресурсами и поддержки. Социальная поддержка — основное качественное измерение на микроуровне общественных взаимодействий, и в исследованиях постулируется различие между её объективными и субъективными аспектами [*Turner, Marino*, 1994]. Ощущение возможности получения помощи в сложной ситуации может выступать смягчающим фактором стресса даже без фактического получения ресурсов [*Uchino*, 2009]. При этом получаемая поддержка может выступать

в эмоциональной, инструментальной и информационной форме [*Lin et al.*, 1999; *Wills, Shinar*, 2000]. Социальная сплочённость относится к субъективным оценкам связей между членами общественных групп, при этом выделяется структурная и воспринимаемая сплочённость [*Bollen, Hoyle*, 1990]. На основе выделения чувства принадлежности, имплицитно включающего объединяющие ценности и нормы, концепт воспринимаемой сплочённости приближается к конструкту социального капитала. Однако в то же время в литературе проводится различие между двумя этими понятиями: если социальный капитал предполагает вклад отдельного человека в сотрудничество с другими людьми, то социальная сплочённость характеризует общество в зависимости от накопленного им социального капитала [*Oxoby*, 2009]. Социальная сплочённость относится к качественным характеристикам социума, которые обеспечиваются, в том числе, накопленным социальным капиталом.

В ходе исследований социальных сетей постулируется тезис о встроенности обособленных действий в общую сеть взаимоотношений [*Burt*, 1982], при которой взаимодействия характеризуются не только особенностями акторов, но и параметрами их интеграции в общественную среду [*Light, Moody*, 2020]. Социальные сети дифференцируются по своему характеру (формальные или неформальные), а также по частоте, интенсивности, размеру, охвату и прочим характеристикам. Для измерения степени социальной интеграции в общественных сетях были разработаны многочисленные индикаторы (в частности, индекс социальной интеграции Беркмана и индекс социальных связей Каплана) [*Berkman, Syme*, 1979].

Согласно П. Бурдьё, социальный капитал позволяет обеспечить доступ к комплексу ресурсов посредством сложной сети взаимодействий, а индивиды, совершая инвестиции в подобные взаимоотношения, получают доступ к социальному капиталу, который, в свою очередь, влияет на обеспеченность другими капиталами [*Бурдье*, 2004]. Видные представители американской традиции понимают социальный капитал скорее как характеристику общественных сетей, выводя в основной фокус рассмотрения вопрос о том, как и при каких условиях он в подобных сетях формируется [*Coleman*, 1990; *Lin*, 2000]. При многообразии определений социального капитала в контексте тематики статьи автор будет придерживаться классической трактовки, когда социальный капитал понимается как совокупность ресурсов, встроенных в социальные сети, которые индивиды, участвующие в этих сетях, могут использовать для решения жизненных проблем и извлечения полезности [*Bourdieu,* 1985*; Coleman*, 1988; *Nahapiet, Ghosal*, 1998].

В ходе рассмотрения социального капитала на микроуровне различаются «сильные» и «слабые» отношения. Вторые из них, обсуждающиеся с позиции «силы слабых связей» [*Granovetter*, 1973], с большей вероятностью предоставляют новую информацию и ресурсы, доступ к которым облегчается благодаря контактам, которые характеризуются пониженной частотой и меньшей интенсивностью (связующим социальным капиталом) [*Lin et al.,* 1999]. Напротив, более тесные («сильные») контакты с большей вероятностью обеспечивают инструментальную и эмоциональную поддержку [*Dahl, Malmberg-Heimonen*, 2010].

Социальный капитал, рассматриваемый на мезо- или макроуровне, может определяться и как свойство обособленных групп, и как характеристика сообщества в целом. Основой анализа в данном случае является то, что регулярное взаимодействие, обеспечивающее доступ к ресурсам, формируется благодаря взаимности и доверию, а также на основе общих ценностей и норм [*Dahl, Malmberg-Heimonen*, 2010; *Putnam*, 1995]. На основе индивидуальных оценок данных характеристик рассчитываются различные индексы, отражающие масштаб социального капитала, и подтверждается тезис о том, что чем выше уровень доверия к собственной среде обитания, тем больше вероятность развития устойчивых структур отношений в обществе [*Airaksinen et al.,* 2015].

В отечественной социологии проблематика социального капитала активно разрабатывается с начала 2000-х гг. Особое внимание авторами уделяется таким его аспектам,

как потенциал с точки зрения развития институтов гражданского общества и местного самоуправления, ресурсная значимость в контексте социально-экономической адаптации, включённость в число факторов социальной стратификации и неравенства. В числе достаточно многочисленных исследований, которые внесли значительный вклад в анализ данной проблематики, можно выделить работы Н.Е. Тихоновой, Е.М. Авраамовой, В.В. Радаева, Л.В. Стрельниковой и других учёных [*Виноградский*, 2010; *Бинюкова*, 2014; *Иванов и др.*, 2014; *Немировский, Немировская*, 2011; *Полищук*, 2011; *Радаев*, 2003; *Стрельникова*, 2003; *Авраамова, Логинов,* 2002a; *Авраамова, Логинов*, 2002b; *Тихонова*, 2004; *Павленко*, 2025].

Традиция изучения социальных взаимодействий в контексте выстраивания различных моделей социально-экономического поведения, неравенства и ресурсной обеспеченности населения в отечественных исследованиях продолжается и в последние годы. Так, потенциал социальных взаимодействий включается в нематериальную ресурсообеспеченность различных групп населения, расширяя их адаптационные возможности в условиях нестабильности [*Логинов*, 2021]. Результаты исследований А.В. Каравай [*Каравай*, 2015; *Каравай*, 2021; *Каравай*, 2022] позволяют сделать значимый вывод об ограниченности потенциала сетей социальной поддержки представителей массовых слоёв российского населения.

Исследователями отмечается, что уровень наличествующего социального капитала влияет на субъективное благополучие, и это приобретает особую важность в периоды турбулентности, когда для населения актуализируются задачи преодоления разнообразных шоков [*Титов, Логинов,* 2025]. В России, несмотря на сохранение в стране достаточно высокого внутригруппового доверия, кризисные события последних лет отразились на уровне общего доверия [*Каравай*, 2023]. Обзору отечественных и зарубежных исследований состояния и динамики социального капитала в условиях кризисов, вызванных внешними причинами, посвящён доклад группы исследователей НИУ-ВШЭ [*Аникин, Пашков и др.*, 2022]. В данном случае речь в большей степени идёт скорее не о взаимодействиях, отношениях, обменах в границах социальных сетей, а о социальном капитале как индивидуальном ресурсе. Результаты теоретических и методологических исследований различных аспектов проблематики социального капитала достаточно детально и полно рассмотрены в работе Д.М. Рогозина [*Рогозин,* 2023], который предлагает определённые направления развития данной теории применительно к актуальным проблемам общественного развития России. В частности, отмечается важность интерпретации социального капитала не только в категориях экономически трактуемой прибыли и выгоды, но и в контексте общей идентичности и общественного блага.

Характеристика круга доверительного общения

Эмоциональный и ментальный комфорт жизнедеятельности в значительной степени определяется наличием среды доверительного общения. Подавляющее большинство россиян (более 90%) отмечают подобные возможности коммуникаций в собственной жизни, что выражается в присутствии партнёров по доверительному общению среди друзей, родственников, коллег и прочих представителей референтной среды. При этом 41% опрошенных характеризуются значительным либо высоким коммуникационным потенциалом (рис. 1).

Россияне, имеющие сравнительно высокий материальный статус[2], характеризуются также и более значительными показателями включённости в систему персональных доверительных взаимодействий. Среди имеющих низкий материальный достаток 12% вообще не имеют близких людей, и это вдвое выше показателей, отмечаемых в двух других группах материального статуса (рис. 2).

[2] Здесь и далее материальный статус характеризуется самооценками респондентов.

Результаты исследования позволяют выявить наличие и вектор динамики межличностных взаимодействий россиян с близкими людьми на годовом горизонте. Для подавляющего большинства (около 80%) подобные отношения предсказуемо не претерпели изменений. При этом важно отметить явно позитивную направленность динамики среди тех, кто зафиксировал перемены в этом отношении: улучшение ситуации отметили 15% опрошенных, а ухудшение — только 6,5%. Самая стабильная ситуация отмечается у представителей старшей когорты, а наиболее волатильны взаимодействия в молодёжной среде (рис. 3).

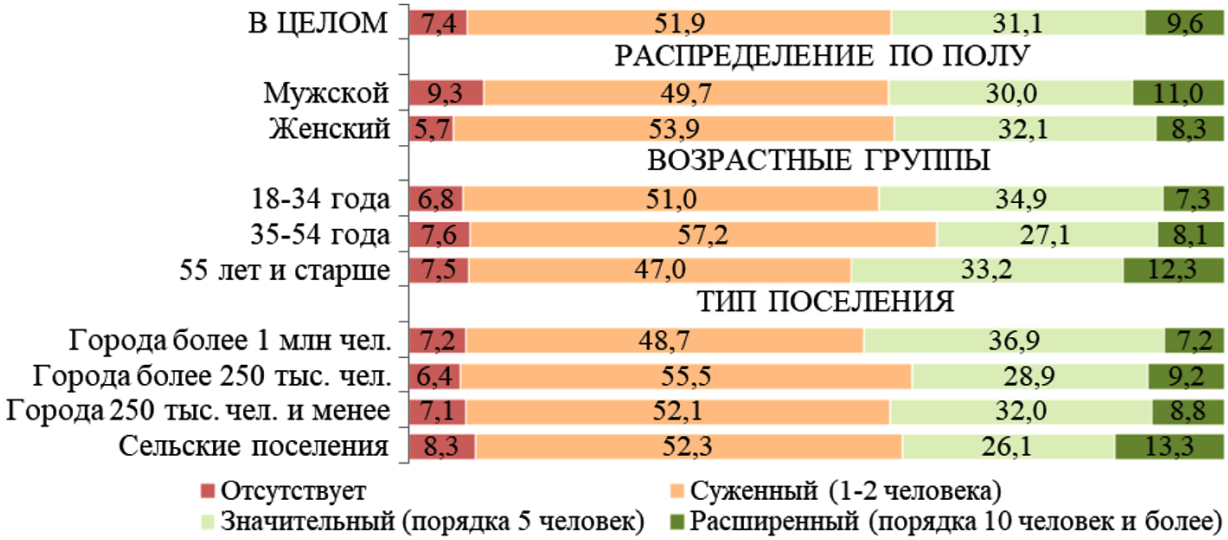

Рис. 1. Характеристика круга доверительного общения, %

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного опроса населения России, ИНСАП РАНХиГС, 2023 г., 2016 респондентов.

Рис. 2. Характеристика круга доверительного общения, %

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного опроса населения России, ИНСАП РАНХиГС, 2023 г., 2016 респондентов.

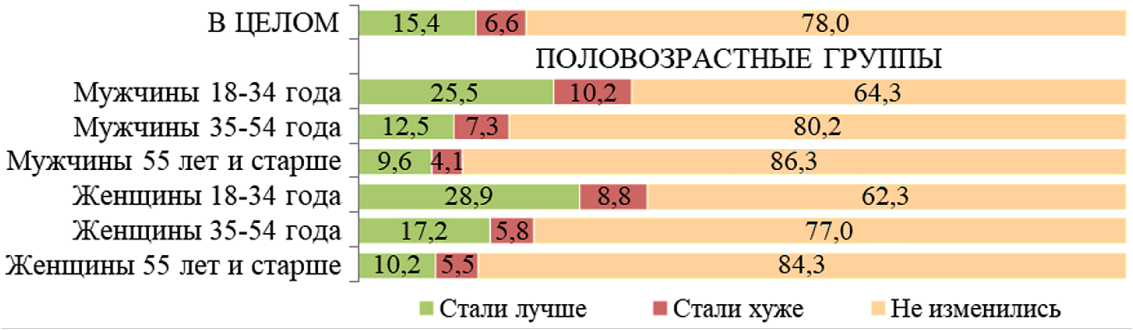

Рис. 3. Самооценка динамики межличностных отношений с близкими людьми на годовом горизонте, %

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного опроса населения России, ИНСАП РАНХиГС, 2023 г., 2016 респондентов.

Межличностное и институциональное доверие

Результаты исследования иллюстрируют крайне существенные различия уровня обобщённого доверия россиян в системах персональных и институциональных взаимодействий. Выделены пять социальных групп: родственники, друзья, правоохранительные органы, федеральные телеканалы, участники сетевых сообществ в интернете. В отношении каждой из них выявляется характеристика в дихотомии «скорее доверяю — скорее не доверяю». При том, что выделенный набор групп с очевидностью не покрывает собой весь субъектный спектр системы социальных взаимодействий, данная структура раскрывает масштабы обобщённого доверия на разных уровнях общественной структуры.

Массовой нормой выступает доверие к родственникам (85%) и друзьям (75%). В отношении государственных институтов, представленных в нашем исследовании правоохранительными органами, уровень доверия составляет немногим менее половины опрошенных, а доверие федеральным телеканалам декларируют около трети из них. Очень невысоко позитивное восприятие участников интернет-сообществ (рис. 4).

В данном аспекте проявляется выраженная дифференциация по возрастным когортам. Так, представители молодого поколения в сравнительно высокой степени выражают доверие органам правопорядка (разница составляет около 10 п.п.), а также участникам интернет-сообществ. В то же время доверительное отношение центральным телевизионным СМИ выражают менее 20% самой молодой когорты и более 40% представителей группы 55 лет и старше.

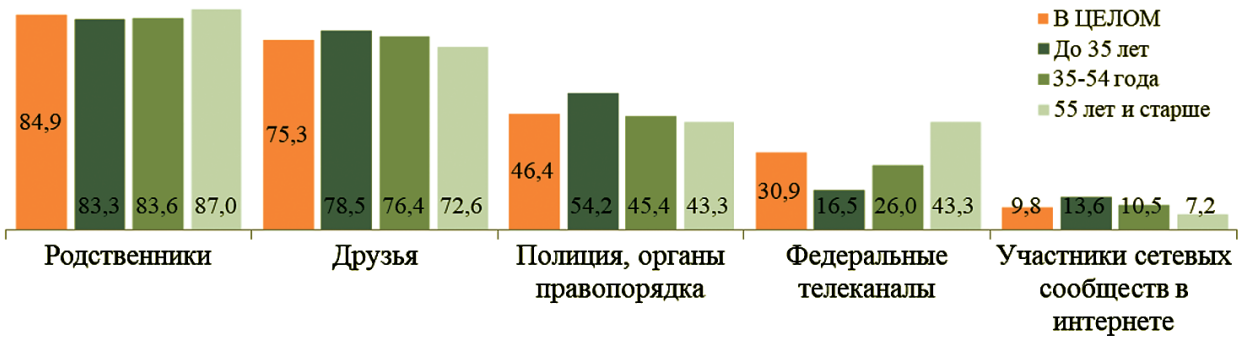

Рис. 4. Уровень межличностного и институционального доверия (доля ответов «скорее доверяю»), %
Источник: расчёты автора по данным репрезентативного опроса населения России, ИНСАП РАНХиГС, 2023 г., 2016 респондентов.

Комбинация ответов о наличии доверия к представителям выделенных в исследовании социальных групп позволяет рассчитать интегральный показатель субъектной широты межличностного и институционального доверия. Категория широты доверия представляется важной с точки зрения распространения субъективного доверия на различные уровни организации социума, рассматриваемая в классической литературе, в частности, как «радиус доверия»[*Delhey, Newton, Welzel*, 2014; *Харрисон,* 2014]. При том, что основания формирования доверия к выделенным социальным группам могут существенно различаться, включение каждой из них в круги обобщённого доверия индивида определяет для него новую ситуацию социального позиционирования. Расчёт интегрального показателя основан на суммировании числа социальных групп (из выделенных в исследовании родственников, друзей, правоохранительных органов, федеральных телеканалов, участников интернет-сообществ), которым выражено доверие (на основе ответов «скорее доверяю»). Таким образом, минимальное значение показателя составляет 0, а максимальное — 5 баллов. Двухбалльный показатель мы принимаем за среднее значение на основе его наибольшей распространённости среди опрошенных и при этом близости к срединному

значению оценочной шкалы (точная середина интервала составляет 2,5 балла). Как видно из данных рис. 5, для почти половины показатель межличностного и институционального доверия превышает среднее значение, и только для каждого пятого из россиян он не достигает среднего уровня. Наиболее значимые различия в данном случае определяются материальным статусом: у наименее обеспеченных россиян отмечаются самые низкие показатели доверительных социальных отношений.

Ограниченный уровень институционального доверия традиционно характеризует российское население на протяжении последних десятилетий. Однако при этом, хотя в международных сопоставлениях Россия входит в группу стран с пониженным доверием к институтам, в отношении сниженного доверия к власти наша страна «солидарна» со многими европейскими государствами [*Киселев*, 2014]. Отражением ситуации в международном контексте также выступают данные, в соответствии с которыми отмечается негативная динамика доверия к средствам массовой информации в североамериканском обществе: уровень доверия к СМИ среди жителей США в 2025 г. достиг минимальных значений[3]. Исследователи приходят к выводу, что в условиях актуального контекста уровень внутригруппового доверия россиян имеет тенденцию к снижению [*Каравай*, 2023], а тот факт, что россияне «становятся менее доверчивыми», отмечается начиная с 2000-х гг.[4]

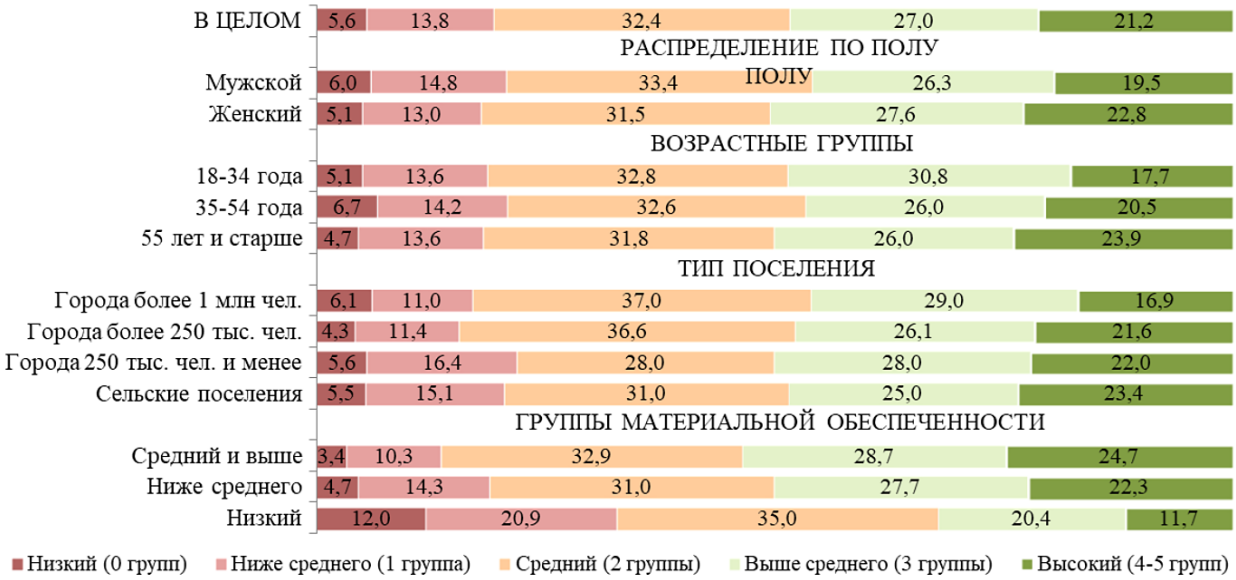

Рис. 5. Интегральный уровень субъектной широты межличностного и институционального доверия, %
Источник: расчёты автора по данным репрезентативного опроса населения России, ИНСАП РАНХиГС, 2023 г., 2016 респондентов.

На годовом ретроспективном горизонте степень доверия россиян тем, кто не входит в их «ближний круг», в большинстве случаев осталась неизменной: 78% опрошенных отметили отсутствие существенных изменений в этом отношении. При этом 20% стали доверять окружающим меньше, тогда как позитивная динамика доверия характеризует лишь 2% опрошенных. Представляется закономерным, что в группах с пониженным уровнем субъектной широты межличностного и институционального доверия его негативная динамика выражена ярче, и рост настороженности по отношению к представителям «внешнего» круга взаимодействия проявляется в большей степени (табл. 1).

[3] Trust in Media at New Low of 28% in U.S. Gallup, 02.10.2025. URL: https://news.gallup.com/poll/695762/trust-media-new-low.aspx (access date: 01.08.2026)

[4] Круги доверия. Две трети наших сограждан считают невозможным в принципе поделиться сокровенными проблемами с незнакомыми людьми. ВЦИОМ, 04.10.2121. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/krugi-doverija (дата обращения: 01.08.2026)

Таблица 1
Самооценка динамики межличностного доверия за пределами «близкого круга» на годовом горизонте, % по строке

Интегральный уровень субъектной широты межличностного и институционального доверия	Изменение уровня межличностного доверия за пределами «близкого круга» за последний год		
	Стали больше доверять	Стали меньше доверять	Уровень доверия не изменился
Низкий (0 групп)	1,8	26,4	71,8
Ниже среднего (1 группа)	2,6	30,6	66,8
Средний (2 группы)	2,5	23,9	73,6
Выше среднего (3 группы)	2,0	17,3	80,7
Высокий (4-5 групп)	2,4	8,5	89,1
В целом	2,3	19,9	77,8

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного опроса населения России, ИНСАП РАНХиГС, 2023 г., 2016 респондентов.

Ресурсные социальные взаимодействия

Далее рассмотрим систему социальных взаимодействий, в которую включены россияне с точки зрения её ресурсной значимости, т. е. актуального или потенциально ожидаемого получения помощи со стороны различных субъектов общественной системы. В такой постановке взаимоотношения рассматриваются, в частности, в теории социального обмена, где участники взаимодействий стремятся максимизировать индивидуальную полезность посредством сетевых включений [*Homans,* 1961; *Cook, Rice*, 2006; *Emerson,* 1976].

Результаты исследования свидетельствуют о том, что каждый пятый россиянин — реципиент регулярной материальной помощи, получаемой (с различной периодичностью и в разном объёме) от проживающих отдельно родственников и/или других представителей близких социальных групп. Сравнительно часто о подобном факте сообщают женщины, среди которых 25% получателей подобных форм поддержки, по сравнению с 13% среди мужчин. Реже всего получают регулярную материальную помощь от родственников и друзей представители средневозрастной когорты (12%). Статистические различия между теми, кто находится в младших и средних возрастах, отсутствуют (в каждой группе реципиентами помощи являются 24% опрошенных), однако представляется очевидным, что базис такой поддержки формируется из разных источников: молодёжи как правило помогают родители, а представителям старшего возраста — их взрослые дети.

Далее мы определим потенциал ресурсных взаимодействий населения, в рамках которых россияне могут рассчитывать на содействие представителей различных субъектных групп и институтов в решении возникающих проблем, а также в удовлетворении актуальных потребностей. Характеристика подобных взаимодействий иллюстрирует, в числе прочего, восприятие субъектной широты потенциальной помощи и поддержки в трудной жизненной ситуации. Результаты исследования показывают, что ожидания, основанные на потенциале взаимодействия с представителями более дальних «социальных кругов», крайне ограничены (рис. 6).

Рис. 6. Субъектные группы, воспринимаемые потенциальными акторами помощи и поддержки в случае необходимости (допускалось несколько ответов), %

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного опроса населения России, ИНСАП РАНХиГС, 2023 г., 2016 респондентов.

Суммирование количества субъектных групп (из шести выделенных в исследовании и обозначенных выше), воспринимаемых в качестве возможных доноров, позволяет определить уровень широты ресурсных социальных взаимодействий россиян. При том, что основания для потенциально получаемой помощи и поддержки со стороны каждой из этих групп различны, расширение номенклатуры подобных субъектов в «пространстве личных социальных координат» с очевидностью способствует росту ощущения стабильности. Ограничения подобного подхода связаны с тем, что индивиды в системе социальных взаимодействий могут заблуждаться по отношению к реальным будущим действиям представителей разных взаимодействующих с ними акторов. Однако анализ на основе данного допущения видится актуальным, поскольку отражает представления россиян об уровне социальной сплочённости, существующей в обществе. Так как соответствующие суждения выносятся на основе накопленного социального опыта и восприятия внешней среды, можно обоснованно предполагать, что каждый из индивидов, рассчитывающий на помощь широкого круга социальных субъектов, действительно получит более значительную помощь, нежели те, кто изначально предполагают полагаться лишь на собственные силы либо на поддержку исключительно со стороны «ближнего круга».

Результаты исследования показывают, что абсолютное отсутствие групп, на представителей которых возлагаются надежды относительно помощи и поддержки, соответствует низкому уровню субъектной широты ресурсных взаимодействий. Уровень ниже среднего мы предлагаем соотнести с единственной соответствующей группой, поскольку лишь одна «точка опоры» с очевидностью определяет уязвимость положения индивида. Средний показатель видится соответствующим двум группам акторов, для которых, во-первых, этот ответ является наиболее массовым, а, во-вторых, данная ситуация определяет множественность субъектов, но такая множественность при этом ограничена. Показатель выше среднего характеризует добавление ещё одной, третьей, субъектной группы, а высоким мы предлагаем считать уровень потенциально ресурсных взаимодействий, превышающий три балла оценочной шкалы, поскольку столь развитая структура социальных ожиданий охватывает широкий спектр различных субъектов (и межличностных, и институциональных, количество которых в исследовании в каждом случае равно трём).

Распределение россиян в составе выделенных групп потенциально ресурсных социальных взаимодействий представлено на рис. 7. С точки зрения социально-демографической дифференциации обращает на себя внимание то, что в некрупных городах и сельских поселениях минимальные значения отмечаются несколько чаще. В каждой более молодой когорте уровень потенциальных ресурсных социальных взаимодействий имеет существенно большие значения. Важно подчеркнуть, что, россияне, обладающие сравнительно высоким уровнем материальной обеспеченности, ощущают повышенную защищённость в системе социальных взаимодействий, при этом различия между полярными группами материального статуса в этом отношении более чем двукратны.

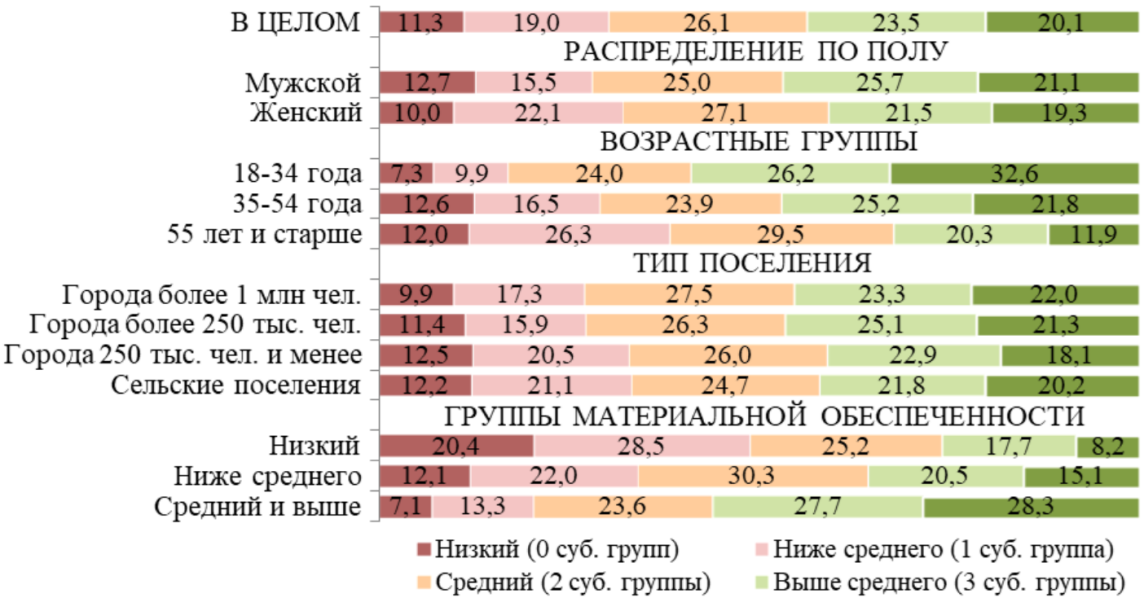

Рис. 7. Уровень потенциально ресурсных социальных взаимодействий, %
Источник: расчёты автора по данным репрезентативного опроса населения России, ИНСАП РАНХиГС, 2023 г., 2016 респондентов.

Заключение

Полученные в ходе исследования результаты позволяют зафиксировать ряд важных особенностей и тенденций, характеризующих систему социальных взаимодействий, в которую включены массовые группы российского общества.

Подавляющее большинство населения характеризуется наличием среды доверительного общения. Ситуация абсолютного социального одиночества, при котором люди полностью исключены из системы близких личностных контактов, актуальна лишь для около 10% россиян. Риски эксклюзии, при которой доверительные коммуникационные возможности существенно ограничены, явным образом актуализируются по мере снижения уровня материальной обеспеченности. При этом половина населения характеризуется значительным кругом доверительных коммуникаций, превышающим средний уровень.

Показатели декларируемого социального доверия в отношении представителей «близкого круга» достаточно высоки: о том, что они скорее доверяют родственникам и друзьям, заявляют более 75% опрошенных. Полученные результаты иллюстрируют достаточно стабильно-позитивную картину динамики межличностных отношений россиян с представителями «ближнего круга». При том, что подавляющее большинство (около 80%) предсказуемо отмечает отсутствие сколь-либо значимой динамики изменений в подобных социальных взаимодействиях на достаточно близком годовом горизонте, 15% заявляют об улучшениях в этой сфере, а ухудшение отмечается вдвое реже. Уровень институционального доверия при этом существенно уступает межличностному, что традиционно характеризует население страны на протяжении десятилетий, а динамика социального доверия россиян за пределами узкого круга родственно-дружеского общения имеет негативный характер.

Крайне важной характеристикой системы социальных взаимодействий является её ресурсная значимость, выраженная в возможностях результативного обращения за получением помощи в случае подобной необходимости. Позитивным представляется тот факт, что большинство видит возможности удовлетворения потенциальной потребности в помощи и поддержке за счёт ресурсов социального окружения. При этом если на близкое социальное окружение родственников и друзей могут полагаться существенно более половины населения, то помощь со стороны государственных органов представляется

реалистичной менее трети россиян, а со стороны общественных организаций — лишь каждому пятому. Таким образом, можно заключить, что базис социального доверия и социальной сплочённости россиян сосредоточен в первую очередь в близких родственно-дружеских коммуникационных кругах.

Социальные возможности населения, выраженные через число субъектных групп, воспринимаемых потенциальными ресурсными донорами, явным образом дифференцированы. Так, средний уровень соответствующих возможностей, предполагающий наличие двух субъектных групп, характеризует около четверти россиян, а уровень, превышающий среднее значение, — немногим более 40%. При этом, если среди имеющих достаточно высокий материальный статус более половины опрошенных характеризуются уровнем потенциально ресурсных социальных взаимодействий, превышающим среднее значение, то в группе минимальной финансовой обеспеченности соответствующая доля составляет только четверть. Важно также отметить возрастные особенности, в соответствии с которыми по мере перехода в более старшую когорту субъектная широта потенциально полезных социальных связей существенно снижается.

Представленное исследование имеет ряд значимых ограничений. Во-первых, круг социальных субъектов, с которыми (напрямую или косвенно) взаимодействует каждый из россиян, крайне широк и с очевидностью не может быть в полной мере раскрыт в формате научной статьи. В этой связи в работе реализован отбор ограниченного числа субъектных групп социальных взаимодействий с целенаправленным включением в рассматриваемую номенклатуру групп акторов, дифференцированных по персонально-институциональным основаниям. Во-вторых, при рассмотрении результирующих характеристик включённости различных групп населения в социальную среду и её восприятия, в работе не затрагиваются вопросы особенностей и внутренних факторов социальных взаимодействий, которые, в контексте каждой из субъектных групп, могут выступать предметом отдельного глубокого рассмотрения. В-третьих, предлагая и обосновывая интегральные показатели, дифференцирующие население в системе социальных координат мы признаём дискуссионность алгоритмов соответствующих расчётов и приглашаем коллег к обсуждению и поиску в этом отношении оптимальных вариантов, с учётом как смысловых аспектов рассматриваемых социальных процессов, так и неизбежных эмпирических ограничений. Кроме того, предметом отдельного рассмотрения выступают взаимодействия внутри домохозяйств. Вместе с тем, полученные результаты, как представляется, значимо расширяют понимание сути актуальных общественных процессов и могут служить основой будущих академических разработок в данной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

Авраамова Е.М., Логинов Д.М. (2002a). Социально-экономическая адаптация: ресурсы и возможности // *Общественные науки и современность.* № 5. С. 24–34.

Авраамова Е.М., Логинов Д.М. (2002b). Адаптационные ресурсы населения: попытка количественной оценки // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* № 3. С. 13–17.

Аникин В.А., Пашков С.Г. и др. (2022). Обзорное исследование социального капитала в контексте улучшения человека // *Глобальный ландшафт исследований и перспективных разработок в области укрепления человека.* Т. 7 / Науч. ред. В.А. Аникин. — М.: НИУ ВШЭ.

Бинюкова И.С. (2014). *Социальный капитал России: проблемы и перспективы развития (социально-философский анализ).* — Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества.

Бурдье П. (2004). Различение: социальная критика суждения // *Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики.* — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

Виноградский В.Г. (2010). *Социальный капитал сельских сообществ: понятие, динамика, перспективы.* — Саратов: Саратовский институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российский государственный торгово-экономический университет».

Дюркгейм Э. (1994). *Самоубийство: Социологический этюд.* — М.: Мысль.

Иванов В.В., Комаров В.М., Павлов П.Н., Румянцев Н.А. (2014). *Вопросы модернизации: роль социального капитала.* — М.: Дело.

Каравай А.В. (2015). Российские рабочие: финансовое поведение и установки // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* № 2(125). С. 83–95. DOI: 10.14515/monitoring.2015.2.07.

Каравай А.В. (2021). Социальные сети в современной России: масштабы, структура и механизмы функционирования // *Социологическая наука и социальная практика.* Т. 9. № 4(36). С. 42–60. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8605.

Каравай А.В. (2022). Факторы доступа к ресурсам социальных сетей в современной России // *Социологические исследования.* № 10. С. 74–84. DOI: 10.31857/S013216250014291-3.

Каравай А.В. (2023). Социальный капитал российского общества: год в условиях специальной военной операции // *Terra Economicus.* № 21(4). С. 91–105. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-4-91-105.

Киселев В.О. (2014). Доверие к политическим институтам в России: опыт социологического мониторинга // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* № 6(124). С. 51–64. DOI: 10.14515/monitoring.2014.6.05.

Кули Ч.Х. (2019). *Избранное.* — М.: ИНИОН РАН. Центр социальных научно-информационных исследований.

Логинов Д.М. (2021). Нематериальные ресурсы населения в новом адаптационном цикле // *Общественные науки и современность.* № 6. С. 40–60. DOI: 10.31857/S086904990017876-5.

Мид Дж.Г. (2009). *Избранное.* — М.: ИНИОН РАН. Центр социальных научно-информационных исследований.

Немировский В.Г., Немировская А.В. (2011). *Социальная структура и социальный капитал населения Красноярского края.* — Красноярск: Сибирский федеральный университет.

Павленко Б.В. (2025). Социальный капитал и экономическое неравенство в городах России: анализ социальных сетей // *Вопросы теоретической экономики.* № 2(27). С. 144-163. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_144_163.

Парсонс Т. (2002). *О социальных системах.* — М.: Академический Проект.

Полищук Л. (2011). Социальный капитал в России: измерение, анализ, оценка влияния // *Городское управление.* № 6(179). С. 83–90.

Радаев В.В. (2003). Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Общественные науки и современность.* № 2. С. 5–16.

Рогозин Д.М. (2023). Перспективы развития теории социального капитала // *Экономическая социология.* Т. 24. № 4. С. 12–37. DOI: 10.17323/1726-3247-2023-4-12-37.

Стрельникова Л.В. (2003). Социальный капитал: типология зарубежных подходов // *Общественные науки и современность.* № 2. С. 33–41.

Титов В.Н., Логинов Д.М. (2025). Влияние социального капитала на субъективное благополучие // *Вопросы теоретической экономики.* №4. С. 144–157. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_144_157.

Тихонова Н.Е. (2004). Социальный капитал как фактор неравенства // *Общественные науки и современность.* № 4. С. 24–35.

Харрисон Л. (2014). *Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма.* — М.: Мысль.

Airaksinen J., Elovainio M., Hakulinen C., Lehtimäki T., Raitakari O. T., Keltikangas-Järvinen L., Jokela M. (2015). Neighborhood effects in depressive symptoms, social support, and mistrust: Longitudinal analysis with repeated measurements // *Social Science & Medicine.* No. 136-137. Pp. 10–16.

Berkman L.F., Syme S.L. (1979). Social networks, host resistance, and mortality: A nine-year follow-up study of Alameda County residents // *American Journal of Epidemiology.* No. 109(2). Pp. 186–204.

Blau P.M. (1964). *Exchange and power in social life.* — N.Y.: Transaction Publishers.

Bollen K.A., Hoyle R.H. (1990). Perceived cohesion: A conceptual and empirical examination // *Social Forces.* No. 69(2). Pp. 479–504.

Bourdieu P. (1985). The Forms of Capital // *Handbook of Theory and Research for Sociology of Education* / Ed. J.G. Richardson. — N. Y.: Greenwood. Pp. 241–260.

Burt R.S. (1982). *Toward a structural theory of action. Network models of social structure, perception and action.* — New York: Academic Press.

Coleman J. (1988). Social Capital in the Creation of Human Capital // *American Journal of Sociology*. Vol. 94. Pp. 95–120.

Coleman J.S. (1990). *Foundations of social theory* — Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University.

Cook K.S., Rice E. (2006). Social Exchange Theory // *The Handbook of Social Psychology* / Ed. J. DeLamater — N.Y.: Springer. Pp. 53–76.

Dahl E., Malmberg-Heimonen I. (2010). Social inequality and health: The role of social capital // *Sociology of Health & Illness.* No. 32(7). Pp. 1102–1119.

Delhey J., Newton K., Welzel C. (2014). The Radius of Trust Problem Remains // *American Sociological Review.* No. 79. Pp. 1260–1265. DOI: 10.1177/0003122414555399.

Emerson R.M. (1976). Social Exchange Theory // *Annual Review of Sociology.* No. 2(1). Pp. 335–362.

Homans G. (1950). *The Human Group.* — N. Y.: Harcourt Brace.

Homans G. (1961). *Social Behavior: Its Elementary Forms.* — N. Y.: Harcourt Brace Jovanovich.

Granovetter M. (1973). The strength of weak ties // *American Journal of Sociology.* No. 78(6). Pp. 1360–1380.

Light R., Moody J. (2020). *The Oxford handbook of social networks.* — Oxford: Oxford University Press.

Lin N. (2000). Inequality in social capital // *Contemporary Sociology.* No. 29(6). Pp. 785–795.

Lin N., Ye X. et al. (1999). Social support and depressed mood: A structural analysis // *Journal of Health and Social Behavior*. No. 40(4). Pp. 344–359.

Nahapiet J., Ghoshal S. (1998). Social Capital, Intellectual Capital and the Organizational Advantage // *Academy of Management Review*. Vol. 23. No. 2. Pp. 242–266.

Oxoby R. (2009). Understanding Social Inclusion, Social Cohesion and Social Capital // *International Journal of Social Economics*. Vol. 36. No. 12. Pp. 1136–1167.

Putnam R.D. (1995). Tuning in, tuning out: The strange disappearance of social capital in America // *Political Science and Politics*. No. 28(4). Pp. 664–683.

Turner R.J., Marino F. (1994). Social support and social structure: A descriptive epidemiology // *Journal of Health and Social Behavior*. No. 35(3). Pp. 193–212.

Wills T.A., Shinar O. (2000). Measuring perceived and received social support // *Social support measurement and intervention — A guide for health and social scientists.* / S. Cohen, L.G. Underwood (eds.). — Oxford: Oxford University Press. Pp. 86–135.

Uchino B.N. (2009). What a lifespan approach might tell us about why distinct measures of social support have differential links to physical health // *Journal of Social and Personal Relationships*. No. 26(1). Pp. 53–62.

REFERENCES

Airaksinen J., Elovainio M., Hakulinen C., Lehtimäki T., Raitakari O.T., Keltikangas-Järvinen L., Jokela M. (2015). Neighborhood effects in depressive symptoms, social support, and mistrust: Longitudinal analysis with repeated measurements // *Social Science & Medicine*. No. 136–137. Pp. 10–16. (In Russ.).

Anikin V.A., Pashkov S.G. et al. (2022). Overview Study of Social Capital in the Context of Human Enhancement // *Global Landscape of Research and Advanced Developments in Human Enhancement*. Vol. 7. / Ed. V.A. Anikin. — M.: HSE University. (In Russ.).

Avraamova E.M., Loginov D.M. (2002a). Socio-Economic Adaptation: Resources and Opportunities // *Social Sciences and Contemporary World*. No. 5. Pp. 24–34. (In Russ.).

Avraamova E.M., Loginov D.M. (2002b). Adaptation Resources of the Population: An Attempt to Quantify // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. Pp. 13–17. (In Russ.).

Berkman L.F., Syme S.L. (1979). Social networks, host resistance, and mortality: A nine-year follow-up study of Alameda County residents // *American Journal of Epidemiology*. No. 109(2). Pp. 186–204.

Binyukova I.S. (2014). *Social Capital in Russia: Problems and Prospects of Development (Social and Philosophical Analysis).* — Novosibirsk: Tsentr razvitiya nauchnogo sotrudnichestva. (In Russ.).

Blau P.M. (1964). *Exchange and Power in Social Life.* — N. Y.: Transaction Publishers.

Bollen K.A., Hoyle R.H. (1990). Perceived cohesion: A conceptual and empirical examination // *Social Forces*. No. 69(2). Pp. 479–504.

Bourdieu P. (1985). The Forms of Capital. In: *Handbook of Theory and Research for Sociology of Education* / Ed. J.G. Richardson. — N. Y.: Greenwood. Pp. 241–260.

Bourdieu P. (2004). Distinction: A Social Critique of Judgment // *Western Economic Sociology: A Reader of Modern Classics.* — M.: ROSSPEN. (In Russ.).

Burt R.S. (1982). *Toward a Structural Theory of Action: Network Models of Social Structure, Perception and Action.* — N.Y.: Academic Press.

Coleman J. (1988). Social Capital in the Creation of Human Capital // *American Journal of Sociology*. Vol. 94. Pp. 95–120.

Coleman J. (1990). *Foundations of Social Theory.* — Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press.

Cook K.S., Rice E. (2006). Social Exchange Theory // *The Handbook of Social Psychology*. / Ed. J. DeLamater. — N. Y.: Springer. Pp. 53–76.

Cooley C.H. (2019). *Selected Works.* — M.: INION RAN, Center for Social Scientific Information Studies. (In Russ.).

Dahl E., Malmberg-Heimonen I. (2010). Social inequality and health: The role of social capital // *Sociology of Health & Illness*. No. 32(7). Pp. 1102–1119.

Delhey J., Newton K., Welzel C. (2014). The Radius of Trust Problem Remains // *American Sociological Review*. No. 79. Pp. 1260–1265. DOI: 10.1177/0003122414555399.

Durkheim É. (1994). *Suicide: A Sociological Study.* — M.: Mysl'. (In Russ.).

Emerson R.M. (1976). Social Exchange Theory // *Annual Review of Sociology*. No. 2(1). Pp. 335–362.

Granovetter M. (1973). The Strength of Weak Ties // *American Journal of Sociology*. No. 78(6). Pp. 1360–1380.

Harrison L. (2014). *Jews, Confucians and Protestants: Cultural Capital and the End of Multiculturalism.* — M.: Mysl'. (In Russ.).

Homans G.C. (1950). *The Human Group.* — N. Y.: Harcourt, Brace and Company.

Homans G.C. (1961). *Social Behavior: Its Elementary Forms.* — N. Y.: Harcourt, Brace & World.

Ivanov V.V., Komarov V.M., Pavlov P.N., Rumyantsev N.A. (2014). *Modernization Issues: The Role of Social Capital.* — M.: Delo. (In Russ.).

Karavay A.V. (2015). Russian Workers: Financial Behavior and Attitudes // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2(125). Pp. 83–95. DOI: 10.14515/monitoring.2015.2.07. (In Russ.).

Karavay A.V. (2021). Social Networks in Modern Russia: Scale, Structure and Functioning Mechanisms // *Sociological Science and Social Practice*. Vol. 9. No. 4(36). Pp. 42–60. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8605. (In Russ.).

Karavay A.V. (2022). Factors of Access to Social Network Resources in Modern Russia // *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. No. 10. Pp. 74–84. DOI: 10.31857/S013216250014291-3. (In Russ.).

Karavay A.V. (2023). The Social Capital of Russian Society: A Year Under the Special Military Operation // *Terra Economicus*. Vol. 21. No. 4. Pp. 91–105. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-4-91-105. (In Russ.).

Kiselev V.O. (2014). Trust in Russian Political Institutions: Sociological Monitoring Case Study // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6(124). Pp. 51–64. DOI: 10.14515/monitoring.2014.6.05. (In Russ.).

Light R., Moody J. (2020). *The Oxford Handbook of Social Networks.* — Oxford: Oxford University Press.

Lin N. (2000). Inequality in Social Capital // *Contemporary Sociology*. No. 29(6). Pp. 785–795.

Lin N., Ye X. et al. (1999). Social Support and Depressed Mood: A Structural Analysis // *Journal of Health and Social Behavior*. No. 40(4). Pp. 344–359.

Loginov D.M. (2021). Non-Material Resources of the Population in the New Adaptation Cycle // *Social Sciences and Contemporary World*. No. 6. Pp. 40–60. DOI: 10.31857/S086904990017876-5. (In Russ.).

Mead G.H. (2009). *Selected Works.* — M.: INION RAN, Center for Social Scientific Information Studies. (In Russ.).

Nahapiet J., Ghoshal S. (1998). Social Capital, Intellectual Capital and the Organizational Advantage // *Academy of Management Review*. Vol. 23. No. 2. Pp. 242–266.

Nemirovsky V.G., Nemirovskaya A.V. (2011). *Social Structure and Social Capital of the Population of Krasnoyarsk Krai.* — Krasnoyarsk: Siberian Federal University. (In Russ.).

Oxoby R. (2009). Understanding Social Inclusion, Social Cohesion and Social Capital // *International Journal of Social Economics*. Vol. 36. No. 12. Pp. 1136–1167.

Pavlenko B. (2025). Social Capital and Economic Inequality in Russian Towns: Social Network Analysis // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 2(27). Pp. 144-163. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_144_163. (In Russ.).

Parsons T. (2002). *On Social Systems.* — M.: Akademichesky Proekt. (In Russ.).

Polishchuk L. (2011). Social Capital in Russia: Measurement, Analysis and Impact Assessment // *Gorodskoe upravlenie*. No. 6(179). Pp. 83–90. (In Russ.).

Putnam R.D. (1995). Tuning In, Tuning Out: The Strange Disappearance of Social Capital in America // *PS: Political Science & Politics*. Vol. 28. No. 4. Pp. 664–683.

Radaev V.V. (2003). The Concept of Capital, Forms of Capital and Their Conversion // *Social Sciences and Contemporary World*. No. 2. Pp. 5–16. (In Russ.).

Rogozin D.M. (2023). Prospects for the Development of Social Capital Theory // *Journal of Economic Sociology*. Vol. 24. No. 4. Pp. 12–37. DOI: 10.17323/1726-3247-2023-4-12-37. (In Russ.).

Strelnikova L.V. (2003). Social Capital: A Typology of Foreign Approaches // *Social Sciences and Contemporary World*. No. 2. Pp. 33–41. (In Russ.).

Tikhonova N.E. (2004). Social Capital as a Factor of Inequality // *Social Sciences and Contemporary World*. No. 4. Pp. 24–35. (In Russ.).

Titov V., Loginov D. (2025). The Relationship Between Subjective Well-Being and Social Capital // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 4. Pp. 144–157. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_144_158 (In Russ.).

Turner R.J., Marino F. (1994). Social Support and Social Structure: A Descriptive Epidemiology // *Journal of Health and Social Behavior*. No. 35(3). Pp. 193–212.

Uchino B.N. (2009). What a Lifespan Approach Might Tell Us About Why Distinct Measures of Social Support Have Differential Links to Physical Health // *Journal of Social and Personal Relationships*. Vol. 26. No. 1. Pp. 53–62.

Vinogradsky V.G. (2010). *Social Capital of Rural Communities: Concept, Dynamics and Prospects.* — Saratov: Saratov Institute (Branch) of the Russian State University of Trade and Economics. (In Russ.).

Wills T.A., Shinar O. (2000). Measuring Perceived and Received Social Support // *Social Support Measurement and Intervention: A Guide for Health and Social Scientists* / Eds. S. Cohen, L.G. Underwood. — Oxford: Oxford University Press. Pp. 86–135.

Логинов Дмитрий Михайлович
ORCID 0000-0002-2717-6909
loginov-dm@ranepa.ru

Dmitry Loginov
PhD (Econ), Senior Researcher, Center «Institute of Social Analysis and Forecasting» Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)
ORCID 0000-0002-2717-6909
loginov-dm@ranepa.ru

RUSSIANS IN THE SYSTEM OF SOCIAL INTERACTIONS: LEVEL OF TRUST AND SUPPORT CAPACITY

Abstract. Basing on the data of the representative sociological survey, implemented by Institute of Social Analysis and Forecasting RANEPA in 2023, features of social interactions have been viewed what seems relevant in the context of objectives of support and improvement of Russians' well-being in terms of both their emotional comfort and opportunities for necessary encouragement and assistance. The results show that most of the population is out of situation of social loneliness, however, less than a half of respondents possess significant circle of trustful communications. Quite high social stated social trust is noted towards representatives of the "close circle", whereas trust to state institutes and official mass media is significantly lower. The integral indicator of subjective breadth of interpersonal and institutional trust counted by the authors does not exceed of the average level for half of population and is high only for 20%. Actual recipients of regular interpersonal financial transfers are 19% of Russians, and most often - representative of youth and senior cohorts. Resource potential of the population, consisting in prospects of application of social interaction system to overcome appearing difficulties, seems significant, nevertheless problems of deficit in effective institutional channels and presence of deprived groups of population are explicit.

Keywords: *social interactions, social practices, social behavior, social integrity, social capital, trust, phuman potential.*
JEL: I31, Z13, D85.